

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Н. Л. Жуковская

ВИЗИТ В КАМИНОЯМА

Вероятно, не каждый японец знает о существовании маленького городка Каминояма на юге префектуры Ямагата. 38 тыс. жителей (1975 г.), 241 км² площади, молочная промышленность, производство ниток и пряжи — разве этим кого-нибудь удивишь в стране, где 3 тыс. островов и 3255 населенных пунктов. Пожалуй, Каминояма хорошо известен любителям горнолыжного спорта, так как расположен у подножия горы Дзао, бывшего вулкана, кратер которого ныне — это озеро Окама, равно прекрасное во все времена года. В окрестностях Дзао находится крупнейший в стране спортивный горнолыжный комплекс. И еще Каминояма славится своими горячими источниками Хояма. Около 100 лет назад был открыт первый из них, сегодня известно пять, создано общество по их эксплуатации, построены больницы, лечебницы, гостиницы. Красочная реклама приглашает всех страдающих ревматизмом и желудочно-кишечными болезнями посетить местные источники. Однако не красоты Дзао, хотя мы и отдали им должное, и не перспективы будущего ревматизма привели нас в этот город. Нас привел туда случай, а случаю предшествовала довольно длинная предыстория.

В ноябре 1981 г. в Токио открылась выставка «Кочевые народы Евразии», подготовленная Институтом этнографии АН СССР совместно с девятью музеями Ленинграда, Киева, Новосибирска, Ташкента, Алматы, Кызыла. Археолого-этнографическая выставка предлагала посетителям совершить путешествие по степному шелковому пути от Южной Сибири, Алтая, Тувы, через земли Прииссыккуля и Приазовья до Северного Причерноморья — исторической территории обитания евразийских кочевников¹.

Выставка была показана в 13 городах Японии. Среди них города с многомиллионным населением — Токио, Осака, Нагоя, Киото — и города, в которых проживает «всего лишь» от 200 до 400 тыс. человек, — Ямагата, Асахикава, Окаяма, Фукусима. Мы открывали для себя Японию и японцев — не экзотическую Страну восходящего солнца, какой она встает со страниц книг, журналов и специальной литературы, а другую — каждодневную, будничную, страну людей на велосипедах и с кошелками в руках, школьниц и школьников в аккуратных одинаковых сине-белых формах, покупателей, и прежде всего, конечно, покупательниц многоэтажных универмагов — именно они составляли основной контингент посетителей нашей выставки.

Залы музеев, телестудий, но главным образом многоэтажные универмаги Японии были тем самым местом, где мы показывали нашу выставку. Поначалу нам казалось странным: научная выставка, а рядом за легкой переносной стенкой прилавки с товарами для женщин и мужчин, детей и подростков, телевизоры и магнитофоны, потрясающие по красоте расцветки кимоно и самая изящная в мире японская керамика.

¹ Подробно о выставке см. Крюков М. В. Культура евразийских кочевников в выставочных залах Японии. — Сов. этнография, 1982, № 5.

Рис. 1. Те, кому приходится много времени проводить на солнце летом, до сих пор предпочитают традиционные соломенные шляпы *амакаса* всем модернизированным видам головных уборов

Постепенно привыкли, а потом оценили и этот коммерческий прием, поднимавший число посетителей в универмаге, и заботу о наших удобствах, которую проявляла администрация, и, конечно, любознательного японского посетителя, для которого визит в магазин за промтоварами и продовольствием прекрасно сочетался с интересом к неведомым ему скифским древностям. Более того, в его сознании они четко увязывались друг с другом, так как на многих универмагах уже за неделю, а то и ранее до нашего приезда появлялись броские красочные объявления: распродажа товаров по случаю работы советской выставки «Кочевые народы Евразии». Все, что владельцы магазина теряли на продаже товаров по сниженным ценам, компенсировалось выручкой за входные билеты, каталог выставки, открытки, плакаты с изображением наших наиболее эффектных экспонатов.

Мы открывали Японию, а японцы открывали нас, русских, советских. Мы были для них не только и даже не столько научные эксперты, сколько представители географически близкой, но все же далекой России. Вопросы о скифском золоте и кочевниках перемежались с вопросами о городах России, о национальном характере русских, похвалами русской водке. Порою казалось, что сегодняшняя Россия и скифский звериный стиль — вещи, одинаково удаленные от японцев во времени и пространстве.

Однако не только рядовые японцы приходили на нашу выставку. Среди посетителей были профессора и студенты университетов, представители разных отделений Общества дружбы «Япония — СССР», слушатели буддийских курсов, священники и настоятели храмов разных сект японского буддизма и даже бывшие солдаты Квантунской армии. Были и такие, кого привели к нам их личные профессиональные склонности: врач-психиатр, интересовавшийся шаманским экстазом и формами шаманского психотренинга; глава фирмы по производству упаковочных товаров, пришедший узнать, как упаковывали кочевники свой скарб во время кочевки и нельзя ли у них позаимствовать какую-нибудь идею; и даже директор Музея НЛО (неопознанных летающих объектов), у которого изображение предметов кочевой культуры на проспектах и плакатах вызвало свои специфические ассоциации, и ему хотелось проверить их в личной беседе с нами.

Многие приходили не один и даже не два раза, шли по залам с экскурсией, потом задавали вопросы, а через несколько дней, изучив дома каталог, шли с новыми вопросами и снова бродили по залу уже в

Рис. 2. Искусственно созданный микро-сад — типичный интерьер японского дворика

одиночку, рассматривая особо заинтересовавшие их предметы. Иногда они приносили подарки: книги, открытки, сувениры, даже фрукты и пирожные, и подолгу сидели с нами в комнате экспертов за чашкой чая, решая проблемы кочевой культуры. Случалось, что посетители приносили с собой предметы, купленные ими в антикварном магазине или полученные когда-то от кого-то в подарок: бронзовые фигурки буддийских богов, ножи разных форм, иконы. Им хотелось удостовериться, что вещь, которой они владеют, имеет какую-то историческую ценность. Так было и в тот день.

Однажды вечером незадолго до окончания рабочего дня на шестом этаже универмага «Мацудзакая» в г. Ямагата, где в этот момент работала наша выставка, появился посетитель, держа под мышкой завернутый предмет довольно внушительных размеров. Предмет оказался лама-

истской иконой с изображением одиннадцатиголового и восьмирукого бодхисаттвы Авалокитешвары — божества милосердия и сострадания, спасителя всех страдающих на земле, от криков и стонов которых его голова раскололась на 11 частей. Честно говоря, икона была неважная, канонические пропорции нарушены, краски какие-то аляповатые — одним словом, подделка чувствовалась за версту. Хозяин иконы, представившийся как господин Хасимото Ридзаэмон, терпеливо ждал заключения. Огорчать его или не стоит, размышляла я, все-таки человек какие-то деньги в эту вещь вложил и, должно быть, немалые, пусть думает, что это нечто стоящее. И уже убедив себя, что в данном случае обман — дело святое, я неожиданно для себя самой сказала:

— Мне кажется, что это не настоящая икона, а подделка какого-то очень неопытного художника.

Реакция господина Хасимото была для меня не менее неожиданной. Он очень обрадовался и сказал, что знает об этом и что действительно ее автор — художник-дилетант, подрабатывающий на религиозной живописи, а к нам он принес эту икону лишь потому, что на ней среди спутников Авалокитешвары изображены многорукие и многоголовые божества с бычьими мордами, очень похожие на экспонаты нашей выставки в витрине, посвященной ламаизму, и ему хотелось бы знать, не «родственники» ли эти боги друг другу. Получив утвердительный ответ, Хасимото-сан сообщил, что он владеет большой коллекцией предметов японского быта и предложил нам приехать ее посмотреть. Договорились о встрече на следующее утро.

Господин Хасимото жил в г. Каминояма, который находится в 30 минутах езды от центра префектуры Ямагата. Как значилось в его визитной карточке, он был владельцем рёкана — гостиницы японского типа, ресторана и автопарка, а также президентом акционерного общества по использованию горячих источников, президентом общества по строительству больниц и лечебниц на этих источниках и... коллекционером этнографических предметов.

В 8 часов утра мы взяли такси возле нашей гостиницы и в 8.30 уже стояли у входа в отель «Хасимотоя рёкан». Хозяин и один из его сыно-

вей почтительно приветствовали нас, и вот мы уже сидим в холле рёкана, и нас окружают со всех сторон маски театра Но, деревянные куклы кокэси всех размеров и расцветок, застекленные витрины с прекрасной коллекцией монет разных стран и разных исторических эпох.

Начало коллекции положил дед ее нынешнего владельца. Ему же принадлежит честь открытия первого горячего источника в окрестностях Каминояма. Разбогатев на этом открытии, он стал скупать произведения искусства, как отечественные, так и привезенные из-за рубежа, керамику и фарфор, религиозную скульптуру, деревянных, матерчатых и бумажных кукол, но более всего — предметы традиционного быта разных слоев населения (крестьян и самураев, горожан — торговцев и ремесленников). Коллекция собиралась бессистемно, но три поколения собирателей сделали свое дело, и теперь в ней более 10 тыс. предметов. Они развешаны и расставлены повсюду: в холле, в коридоре, на лестничных клетках, в простенках между

номерах гостиницы, одни хранятся под стеклом, другие свисают с потолка, третьи заполняют собою ниши, которых довольно много в этом доме-рёкане, сочетающем в себе внешний европейский облик и японский интерьер. Некоторые предметы органично вписывались в этот интерьер: например, *тансу* — массивный деревянный ящик на колесах, переживший, как сообщил нам Хасимото-сан, несколько пожаров, наводнений и землетрясений, или висящий на стене *ванигути* — чугунный монастырский гонг, который используется во время храмовых служб и в синтоистских, и в буддийских храмах.

В коридорах и холле первого этажа висело много плетенных из тростника и рисовой соломы изделий: *мичо* — накидки с капюшонами от дождя, *амакаси* — соломенные шлямы с широкими полями, спасающие и от солнечного зноя, и от дождя, *юкигуцу* — снеговые сапожки, плетенные из тростника или рисовой соломы, специально предназначенные для хождения по глубокому снегу. А вот и *усигуцу* — те же сапожки, но для коров, чтобы и они не проваливались в снег. Из той же рисовой соломы плетутся лыжи-снегоступы длиной не более полуметра и шириной вдвое меньше. Собственно, вся лыжа состоит из обода и двух перекладин, к которым привязывается обувь, надеваемая на ногу. Самое внушительное впечатление из изделий этого рода производят *варадзи* — это тоже обувь, но уже не для людей, а для богов — вотивная жертва божествам ранга мёо (небесным защитникам) от людей, страдающих отеками и другими болезнями ног. Размеры этой обуви для богов воистину «божественные»: около 1 м в длину, 60—70 см в ширину. Ну и, конечно, тут же образцы циновок *татами* и ткацкий станок для их плетения.

Керамика в коллекции Хасимото представлена изделиями, начиная с эпохи Эдо (XVII—XIX вв.). Это десятки бутылок из-под рисовой водки сакэ и плоских сосудов *сакадзуки* для ее питья. Размер бутылок от

Рис. 3. Дзидзо-босацу, покровитель заблудившихся путников и нерожденных младенцев — один из популярнейших богов японского буддизма. Чаще всего изображается стоящим на цветке или листе лотоса, с монашеским жезлом в руках, в окружении детей

Рис. 4. Курильница — неременная деталь всякого буддийского монастыря Японии. Маленькие курильницы помещают на алтаре внутри храма, большая стоит во дворе перед входом в главный храм

13—15 см до полуметра. По форме и те и другие имитируют тыкву-горлянку. Бутылки из самой горлянки также представлены в коллекции. Крупные бутылки выставлялись, очевидно, во время больших праздников, а иногда играли и чисто декоративную роль. Несколько сотен фарфоровых блюд, обеденных тарелок и чаш, размером от 10 см и до полуметра, круглых, квадратных, шести- и восьмиугольных, плоскодонных, с ровными краями, с закругленными краями, весьма разных по цветовой гамме и по изображенному на них сюжету (японские ландшафты, мифологические сценки, но в основном рыбы, цветы, птицы, деревья и пр.) — все они представляют несколько разных школ и направлений керамического искусства Японии, традиции которого имеют уже семитысячелетний возраст.

Среди фарфоровой посуды разных форм и размеров кое-где мелькает керамическая фигурка *тануки* — лукавого простачка японского фольклора, оборотня, имеющего в обычное время облик не то барсука, не то енота, а мне, честно говоря, он более всего кажется похожим на маленького медвежонка, особенно в его олимпийском варианте. В сказках и бивальщинах он, скорее, неудачник: то он превращается в самурая, чтобы совершить путешествие в столицу, но собаки распознают его по характерному запаху и ему приходится спасаться бегством, теряя самурайский меч и сандалии; то он становится монахом и внушает охотнику, что грешно убивать ни в чем не повинных зверей, но охотник его разоблачает и снова принявший свой облик тануки в панике пускается наутек².

Во внутреннем дворике «Хасимотоя рёкан», оформленном, как и все японские дворы, в виде микросадика, где каждый камень, каждый кустик, карликовое или нормальное дерево, миниатюрный пруд, каменный фонарь в сочетании образуют неповторимую эстетическую гамму, тоже стоял керамический тануки, но только уже современный и большой, в половину человеческого роста размером. И это не случайно. Хотя все его сказочные проделки кончаются неудачно, в народных поверьях он символ удачи и потому должен находиться поближе к человеку и его жилью. Даже у входа во многие дома в больших городах можно видеть его смешную фигурку.

Но, пожалуй, наиболее интересная часть коллекции Хасимото — религиозная или, если уж быть точным в определении ее места не только в этом домашнем музее, но и в быту обитателей гостиницы — религиозная. В нише холла второго этажа в специальном деревянном алтаре стояла главная реликвия коллекции — деревянная статуя богини Каннон периода Камакура (1185—1333 гг.). Каннон — это китайско-кресейско-японская ипостась бодхисаттвы, чье имя на санскрите звучит как Авалокитешвара, сменившего в буддизме стран Дальнего Востока *свой канонический* мужской облик на женский. И хотя иконография этого божества на Востоке и на Западе буддийского мира характеризу-

² Арутюнов С. Ловкий простачок тануки.— Вокруг света, 1978, № 4, с. 58—59.

ется скорее бесполостью, чем признаками пола, философская и нравственная мысль Китая, Кореи и Японии сочла нужным воплотить категории сострадания и милосердия как основные функции Авалокитешвары — Каннон в женском облике.

Как и когда попала статуя Каннон в домашний музей, Хасимото уже не помнил. Кажется, это было еще при его деде. Но ее хранят не только как музейный экспонат, а, судя по виду и состоянию ниши, почитают как религиозную святыню. На жертвенном столике перед статуей богини стоят курильница, подсвечник с зажженными свечами, вазы с цветами, чаша с фруктами. А перед столиком — деревянный ящик с надписью «Для подношений», в который все желающие, а точнее, все постояльцы и гости «Хасимото рёкан» опускают монеты божееству. В Японии мы неоднократно наблюдали такие сценки на улицах, в музеях. Даже на нашей выставке у подножия каменного рельефа кушанского времени III в. н. э., изображающего Будду с двумя учениками, неожиданно выросла горка монет, положенная туда нашими посетителями.

В этом нет ничего странного. Для японца в принципе неважно, является произведение религиозного искусства музейным экспонатом или принадлежит храму. Глубокие культурно-религиозные традиции страны не делают разницы между теми и другими. При храмах часто имеются музеи, а в музеях, например в Национальном музее Киото, под многими экспонатами можно увидеть подпись «собственность такого-то храма».

Упомянутая выше статуя была самым почитаемым, но отнюдь не единственным изображением Каннон в коллекции Хасимото, были и другие — из дерева, бронзы, нефрита. Но, пожалуй, самый интересный экспонат — сделанное по типу складня полуметровое изображение горного скалистого пейзажа, на фоне которого размещены 33 не повторяющие одна другую фигурки Каннон, каждая размером 4—5 см. Вся скульптура и обе створки складня вырезаны из красного дерева, скалистый фол — из черного. Эстетический эффект несомненен, религиозный, думаю, тоже.

Кроме Каннон в коллекции есть скульптура Сака (Шакьямуни), Дзидзо-босацу (Кшитигарбха), Фудо-мео (Акаланатха), Эмма (Яма) и других божеств буддийского пантеона; несколько видов бронзовых курильниц, статуэтки слонов, несущих на спине ступу, считающуюсяместилищем мощей Будды. Обычно они хранятся в храме, их выносят лишь во время праздничных процессий, связанных с различными годовщинами жизни Будды (день его рождения, день погружения в нирвану, отмечаемые буддистами всего мира). Есть и различные реликвии синтоистского мира: семь богов счастья, *харайгуси* — «жезл очищения», используемый священниками синтоистских храмов для очищения ритуального пространства и молящихся от возможных злых духов; *гохэй* — зигзагообразно вырезанные бумажные гирлянды, развешиваемые в хра-

Рис. 5. Место приношения votивных жертв в одном из синтоистских храмов Киото. Сотни деревянных табличек *эма* с написанными на них просьбами и десятки гирлянд многоцветных бумажных журавликов вешаются на специально отведенном для них стенде

мах как обереги и жертвоприношения; *симэнава* — жгуты из рисовой соломы, развешанные в разных местах храма, преграждающие вход злым силам; деревянный метровой длины фаллос — непременный «участник» синтоистских праздников мацури, связанных с культом плодородия. Тут же несколько гирлянд разноцветных журавликов, сделанных из цветной бумаги. По правилам, в каждой связке должна быть тысяча журавликов — символ долголетия в традиционном мировоззрении японцев. В одном из шкафов десятки образцов *эма* — деревянных дощечек с рисунком на сюжеты синтоистской мифологии. В небольших храмах могут быть дощечки с разными рисунками, но каждый крупный храм имеет свой специфический. *Эма* покупают в кассе храма, пишут на ней просьбу, исполнения которой ожидают от местного божества, и вешают на специальный стенд во дворе. Среди просьб, адресованных богам, нам приходилось видеть и такие: «хочу поступить в университет», «хочу, чтобы мама не болела», «хочу, чтобы в этом году у меня появилась девушка». Все это не только история, но и сегодняшний день Японии, и многие из упомянутых здесь предметов встречаются в мирском и храмовом быту и сейчас.

Осматривая коллекцию, мы не забывали проявить интерес и к самому рёкану. Нам впервые довелось побывать в традиционной японской гостинице, и все было любопытно: как устроены комнаты, сколько человек в них живет, во сколько обходится пребывание в такой гостинице. Рёкан Хасимото может принять одновременно до 180 человек. Стоимость одного места от 8000 до 10 000 иен в день (1000 иен равна 3 руб. по официальному курсу). В гостинице останавливаются больные, приехавшие лечиться водами горячих источников, в ней имеется бассейн с целебной водой. Пользование этим бассейном, медицинские консультации и питание входят в стоимость проживания в гостинице. В жилых комнатах мебели нет, одни циновки татами. Постельные принадлежности днем убираются в стенные шкафы.

Гостиничная кухня источала букет всевозможных ароматов. По соседству находилась столовая, в которой стояло около 50 низеньких небольших столиков (по количеству нынешних постояльцев), на каждом из которых еда сервируется для одного человека. Следом шел зал для культурных развлечений: сцена, на ней телевизор, в углу музыкальный автомат. В холлах каждого этажа стоят шахматные столики, кое-где за ними видны и шахматисты. Все встреченные нами постояльцы гостиницы одеты в одинаковые кимоно, украшенные фамильным знаком семьи Хасимото — крест, вписанный в круг. Этот знак нам много раз попадался на глаза за те часы, что мы провели в «Хасимото рёкан», то в виде украшения на стене, то на траурных повязках, хранящихся в домашней молельне, а также на разных предметах гостиничного и ресторанного реквизита.

Домашнюю молельню мы осмотрели с особым интересом. Хозяин и его семья — последователи буддийской секты дзэн, возникшей в период Камакура. Семейный алтарь был крупнее, чем обычные алтари такого типа, — мы их не раз видели в продаже в специализированных магазинах предметов религиозного культа. Алтарь семьи Хасимото занимал всю стену целиком: фигура будды почти в человеческий рост и соответствующий ей антураж — бронзовые вазы с бронзовыми цветами, набор чаш для жертвоприношений и прочих многочисленный культовый инвентарь. Тут же на алтаре в небольшой коробочке стояло несколько десятков тонких кипарисовых пластинок с именами умерших родственников. Такие же, но только подлиннее стоят на кладбищах в изголовье семейных могил. Умершие недавно имеют каждый отдельную пластинку, имена умерших несколько поколений назад выписаны на одну табличку. ~~Общая~~ Японские дни поминания предков с 13 до 20 июля. Это особый праздник, называемый *о-бон*. В эти дни вся Япония приходит в движение, все едут в родные места почтить могилы предков. Особые обряды совершаются и в семейных молельнях. Генеалогия предков, почитаемых в семье Хасимото, охватывает четыре столетия.

Прямо из молельни нас пригласили на завтрак. Для японцев он был несколько поздноват. Поэтому хозяева не ели вместе с нами, а только угощали, не забывая подливать сакэ и вести светские разговоры. Завтрак был сервирован по-японски: отдельный маленький столик для каждого едока, за которым мы сидели на столь же миниатюрных циновках-подушках. А сама еда предоставила нам отличную возможность изучить на практике то, что до этого было известно лишь по описаниям и рассказам, в частности пятицветную гамму подаваемых блюд: белый отварной рис, красная икра морской рыбы, зеленый квашеный сельдерей, желтая маринованная хризантема, коричневая жареная рыба под кисло-сладким соусом. И сверх того суп мисосиру, который готовили каждому из нас персонально на его столе на персональной спиртовке в чугунном горшочке — тот самый мисосиру³, без которого, как справедливо полагают японцы, и завтрак не завтрак и обед не обед. Ну а так как мы не то чтобы европейцы, но все-таки не японцы, то нам впридачу к японскому набору блюд дали еще и яичницу с беконом. Все завершил душистый зеленый чай.

Мы осмотрели ресторан и автопарк семьи Хасимото, заехали в недавно открывшуюся новую больницу, где лечат водами горячих источников Хояма и на прощанье опять вернулись к разговору о коллекции.

— Жаль, что такая коллекция пока не разобрана, не систематизирована, не описана, — говорил с пониманием дела один из нас, хранитель этнографических фондов по народам зарубежной Азии Музея антропологии и этнографии Ленинграда В. А. Кынчиков.

— Да, жаль, — соглашались хозяева. Но ведь нам и хранить ее негде. Многие вещи просто свалены в кучу в гостиничных коридорах и залах. Не хватает места, чтобы их разместить. Мечтаем построить собственный музей, но когда это будет? Да и будет ли вообще. Вот тогда мы и пригласим специалиста разобрать ее и описать.

Сотни всевозможных частных коллекций имеются в Японии. Среди них всемирно известные токийские музеи: Нэдзу — японская живопись, скульптура, керамика, бронза; Идэмицу — керамика стран Ближнего Востока, бронза, японская живопись; галерея Бриджстон (Исибаси) — современная японская и европейская живопись; коллекция Охара в г. Курасики — современная японская живопись и др. Эти коллекции каталогизированы и доступны и специалистам, и рядовому зрителю. Возможно, когда-нибудь среди них окажется и музей Хасимото.

³ *Мисосиру* — суп, в котором разводится паста мисо, приготовленная из вареных соевых бобов, и который заправляется мелко нарезанной редькой или солеными вологослями. — См. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М.: Наука, 1981, с. 160.